

0: ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Каникулы кончились, мертвый сезон уходит в прошлое, однако тема интеллигенции остается животрепещущей — в Польше она к сезонным никак не относится. К примеру, Мариуш Цесляк («Ньюсуик», 27 сент. 2009), похоже, не обращает внимания ни на последний завет Лешека Колаковского («Я сделал потрясающее открытие: польская интеллигенция существует!»), ни, хуже того, на факты. Полемизируя с Яцеком Жаковским, он не только отрицает значение интеллигенции в свержении коммунизма и — в более близкие нам времена — правительства ПиС, но и не верит в ее soft power, т.е. в способность завоевывать авторитет, и даже в самое возмещение ее дальнейшего существования.

Цесляк основывает свои выводы на сильном аргументе: «Интеллигенции в привычном для нас значении нет ни в одной западной стране. Ключевую политическую роль играет там средний класс, который вскоре появится и у нас». Это правда: на Западе, к примеру, в Италии, понятие «*intelligenza*» транскрибируется именно так и берется в кавычки, поскольку до сих пор считается заимствованием из польского или русского.

Сама эта «прослойка» действительно образовалась в нашем уголке континента — по очень простой причине. В царской России на протяжении многих веков, а в Польше — по меньшей мере со времен разделов судьба подданных и ход государственных дел зависели только от власти. Если добиться каких-нибудь послаблений или даже привилегий для своей группы, слоя, цеха — на коленях, реже с помощью бунта — подданные еще могли, то на общий ход дел, на направление развития страны повлиять не мог никто, кроме самодержца и его камарильи. Поскольку решения такой власти редко бывали продиктованы здравым смыслом и государственными интересами, рано или поздно должна была появиться группа людей, которые: а) интересовались не только материальной выгодой собственного общественного слоя, уезда, цеха, объединения, класса; б) располагали временем, знаниями, а главное, той тягой, старомодно называемой «общественная жилка», т.е. желанием вмешиваться в общественные, общенациональные и даже международные дела, которая была прерогативой власти — если и просвещенной, то, как правило, отблеском свечей или костров.

То были люди образованные, но очень долго беззащитные — вплоть до ликвидации безграмотности и распространения печати, а затем средств массовой информации. Тогда они получили возможность действовать. Оплевываемые и порицаемые, интеллигенты воспользовались этой возможностью. Вот так и получилось, что в Польше и России непропорционально большое влияние на общественное мнение получили писатели. Потому-то здесь и родилось выражение «властитель дум». Словацкие и Толстые причинили царской власти больше проблем, чем бомбометатели. Прошло двести лет со дня рождения Юлиуша Словацкого и вот-вот исполнится сто со дня смерти Льва Толстого, за власть над думами сегодня борются рэперы, но традиция сохранилась. Достаточно спросить опытного полицейского, кто такие интеллигенты, и мы услышим, что в случае чего это первые кандидаты в списки интернированных.

Что же касается отсутствия на Западе отдельной прослойки критиканов с их вечными претензиями, то этим аргументом никто не повредит ни нашей интеллигенции, ни выводам Жаковского. На Западе священники тоже боролись с правительством за освобождение их от налогов, торговцы — за отмену пошлин, магнаты — за собственную армию, рабочие — за сокращение рабочего дня, крестьяне — естественно, за СССР